

16. Corpus juris civilis. – Berolini, 1908. – Vol. 1: Digesta. – Ed. stereotypa undecima. – P. 1-959.
17. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emandatus. – Bonnae, – 1839. – Т. 2.
18. Ignatii Diaconi epistulae. – London, 1981.
19. Ioannis Damasceni Opera omnia // Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca. – 1864. – Т. 94.
20. Johnson A. Ch. Byzantine Egypt: Economic Studies / A. Ch. Johnson., L. C. West. – Princeton, 1949.
21. Kazhdan A. Ignatios the Deacon's Letters on the Byzantine Economy / A. Kazhdan // Byzantinoslavica. – 1992. – Т. 53. – Fasc. 2. – P. 197-201.
22. Kazhdan A. Perfumes and unguents. / A. Kazhdan // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – P. 1627-1628.
23. Kirsten E. Die byzantinische Stadt / E. Kirsten // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress, München 1958. – München, 1958. – Bd. 1. – S. 1-48.
24. Koder J. Die Drogisten und ihre Waren im Eparchenbuch (EB 10.1) / J. Koder // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып.26). – Барнаул, 1992. – S. 220 – 236.
25. Koukoules Ph. Byzantion bios kai politismos / Ph. Koukoules – Athenai, 1951. – Т. 4.
26. Miller J. I. The Spice Trade of the Roman Empire. 29 B. C. to A. D. 641. / Miller J. I. – Oxford, 1969.
27. Sophocles, E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From BC 146 to AD 1100) / E. A. Sophocles. – New York, 1893. – Vol. 1-2.
28. The Oxyrhynchus Papyri. – London, 1924.
29. Theodori Studitae orationes et epistulae // Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / Ed. J. -P. Migne. – 1864. – Т. 99. – Col. 327-1824.

© Сорочан Е.

О влиянии христианских догматов на отношение рыцарства к войне: новый взгляд на взаимодействие общественных институтов

Шамшина Дарья

Шамшина Дар'я. Про вплив християнських догматів на ставлення лицарства до війни: новий погляд на взаємодію суспільних інститутів. Досліджене у статті питання про вплив

Католицької Церкви на ставлення лицарської соціальної групи до її військового промислу дозволяє по-новому поглянути на ідеологічний компроміс зазначених інститутів. Концепція «умиротворення» приймає єдність політичних і економічних інтересів як причину до світоглядного зближення кліру та лицарства, але ж звертає увагу передусім на особливо велику роль морально-етичних чинників у середньовічну епоху. Отже, спроба деталізувати позитивний характер взаємовпливу визначає наукові перспективи сучасної медієвістики щодо проблеми лицарської ментальності.

Shamshina Darya. About the Impact of Christian Dogmatics to the Chivalry Relation to War: a New Opinion as to Interaction of the Social Institutions. The problem studied in the article consists in reconstructing of the new point of view to the positive Christian impact to chivalric culture, which is usually called «born to kill» civilization. Andoubtedly, the crusades had the unwritten agreement with the Church for the reasons of their common political or economical benefit, but religious and humane ideals played an extremely important role in the code of chivalric behaviour. Therefore, this paradoxical moral synthesis reveals for the scientists the deep specificity of European medieval mentality as well as future problems to be researched.

Обращаясь к уникальному характеру Средневековья, необходимо понимать, что в течении X-XV вв. морально-этический кодекс западноевропейского рыцарства представлял собой противоречивый сплав «трех начал», по меткому выражению французского медиевиста Жана Флори: военного, аристократического и церковного [28, с. 8]. Именно в этом ракурсе вопрос о христианском влиянии на помыслы и деяния рыцарей, в частности, на их отношение к войне, выступает одним из связующих и наиболее актуальных моментов в ходе исследования разнообразных источников, формировавших идеологию сословия. К тому же история понимания проблем войны и мира людьми средневековой эпохи и вопрос о воздействии войны на духовную жизнь общества по-прежнему остаются слабо изученными, на что неоднократно обращает внимание Н. И. Басовская [3, с. 45; 4, с. 151].

Изначально важно подчеркнуть отличие нашего взгляда на проблему от устоявшегося в советской историографии строго критического: оправдательная позиция Церкви по отношению к войне хоть и развязывала руки рыцарству в походах против неверных, но внутри Западной Европы, безусловно, имела умиротворяющий характер и проповедовала смирение жестокости, гордыни и буйной отваги по отношению ко всем безоружным и требовавшим защиты.

Сходная позиция прослеживается в трудах медиевистов дореволюционного периода, таких как Т. Н. Грановский, О. А. Добиаш-

Рождественская [7, с. 118], Н. А. Осокин [16, с. 255], однако порой их мнение списано на идеализацию института Церкви, присущую религиозному сознанию современной эпохи [9, с. 13]. Думается, что такое восприятие принципиальных положений авторитетнейшей школы отечественной медиевистики является незаслуженным и предвзятым не только из-за ее ценнейшего вклада в науку, но прежде всего по причине подтверждения «концепции умиротворения» как в церковных, так и в светских письменных источниках, в чем имеем возможность убедиться в дальнейшем ходе исследования.

Поэтому основной целью работы является рассмотрение научной целесообразности и своевременности нового мультипарадигмального взгляда на взаимоотношения двух социальных институтов в лице рыцарей и клириков. Отсюда поставлены задачи осветить специфическое понимание моральности войны каждой из сторон, а также исследовать формы довольно причудливого взаимодействия различных идеологических установок и попытаться осознать значение подобного этического «срашивания» для развития исторического пути западноевропейской цивилизации.

Прежде всего, стоит отметить, что военное ремесло, породившее жестокость эмоций и право насилия, для рыцаря являло смысл всей жизни, что явственно можно проследить еще от варварских истоков: как в закоренелой «отчаянной привычке» древнегерманских племен, по сведениям Иордана и Корнелия Тацита, так и в характере междоусобиц франков и саксов, о которых Видукинд повествует с горячностью: «Крик побуждавших друг друга воинов, звук оружия, стоны умирающих... Везде свирепствовало убийство, везде слышался вопль, но ни то, ни другое войско не отступало» [36, с. 188; 41, с. 62; 42, с. 422-243; 6, с. 126; 18, с. 61]. Исследовали этот воинственный идеал и средневековые рыцари XI-XII вв. с их наивысшей профессиональной востребованностью, которую Флор Лионский описал как «войну всех против всех, раздоры и самоуправство мелких правителей» [27, с. 778]. Так, барон Бертран де Борн с ликованием воспевал в своих сервентах дух кровавой мести и разбоя: «Любо мне ломать копыя, протыкать щиты и разрубать вороненые шлемы, бить и получать удары» [5, с. 269]. В результате своеобразная «культура войны», по терминологии итальянского историка Франко Кардини, прочно входит в круг рыцарских моральных ценностей и раскрашивает особенности повседневной жизни [11, с. 20].

В то же время известно, что в эпоху Высокого Средневековья главным цензором общественного сознания выступал институт Католической Церкви на правах земного распорядительства волей Господа, «этой альфы и омеги всего сущего», по священнословию Ордерика Виталия [15, с. 957]. Роль живого участия элементов христианской веры и деятельности Отцов Церкви в становлении рыцарской идеологии можно проследить, обратив внимание на эволюцию отношения официальной Церкви к войне. Исходным пунктом этих изменений был категорический

отказ от ведения убийственных сражений на заре христианства. Следующей фазой стало пассивное принятие вооруженного насилия в эпоху Августина Блаженного (354-430), который, утверждая в «Граде Божьем» верховенство Церкви над государством, разделяет военные кампании на «праведные» и «неправедные» и впервые подает идею для будущего крестоносного увещания духовенства о том, что «для тех, которые умирают за исповедание Христа, смерть имеет такую же силу исповедания грехов, как и омовение святым источником крещения» [1, с. 619]. После успешной борьбы за инвеституру Папы Григория VII со светской властью Церковь стремилась к утверждению теократической модели христианского мира [13, с. 803-808], что привело к конечной трактовке – проповеди Урбана II в передаче Оттона Фрейзингенского о потребности ведения «священной войны» за Гроб Господень с неверными, чтобы «...мужественные воители, воспламененные жаром благодати, собрав громадное войско, но вспомоществуемые Божеской силой, очистили от языческой мерзости город» [39, с. 655; 17, с. 1130]. Далее и «вторая половина средних веков открывается полным торжеством папской власти над политикой и историей Западной Европы», как характеризует эпоху Иннокентия III (1198-1216) отечественный исследователь Н. А. Осокин [16, с. 32]. Разумеется, все доктринальные метаморфозы последовательно отражались на понимании военной этики в рядах тяжеловооруженной кавалерии и оказывали влияние на формирование рыцарского личностного образца в целом.

Сперва произошло неминуемое идеологическое столкновение религии, глаголющей словами любви и мира, и людей, основным содержанием жизни которых была война. За постепенным примирением указанных сторон, по мнению А. П. Левандовского, стоит большой круг смежных интересов [12, с. 23]. Во-первых, духовенство и церковные богатства нуждались в защите в период феодальных конфликтов и всеобъемлющих войн, поэтому главной утвержденной официально и неоспоримой добродетелью рыцаря считалось, в соответствии с писанием Раймона Луллия, «поддерживать и защищать святую католическую веру силой оружия» [40, с. 64], – и как раз таков идеальный рыцарь Гильюм Марешаль в трактате француза Жоффруа де Шарни [35, с. 81]. Во-вторых, Католическая Церковь боролась за уловление душ верующих, то есть сначала за искоренение язычества, а потом – направление на «стезю креста» иудеев и мусульман, и именно развивавшееся рыцарство могло помочь ей в осуществлении этой миссионерской задачи [10, с. 23]. Так, венецианец Марин Санудо ратует, обращаясь к Папе в «Секретной книге крестоносцев», чтобы «дело смиренного слуги Божьего послужило к утверждению и распространению христианской веры» [14, с.1329]. В-третьих, Католическая Церковь давала аудитории крещеных варваров ощущение преемственности новой веры по отношению к древним военным традициям так легко и стремительно, что уже Эгингард в жизнеописании Карла Великого всячески подчеркивает, что император «с

детства был проникнут христианской религией и чтит ее свято и благочестиво» [33, с. 453; 31, с. 197].

Проявляются идеологические реалии и в рыцарских эпических сказаниях: в «Беовульфе» Христос воспринимается как могущественный вождь и храбрый военачальник, а в «Песне о Роланде» ангел оправдывает право Карла на месть [19, с. 35]. Взаимопроникновение церковных и рыцарских идей, по мнению голландского культуролога Йохана Хейзинги, привело к смешению в обществе небесного и земного, когда освобождение Иерусалима воспринималось воинами с трепетом не только из-за священности вселенского паломничества по тернистому пути Иисуса, но и оттого, что вполне сочеталось с представлениями аристократической верхушки и простых рыцарей об истинно благородном поступке-подвиге [29, с. 132].

Результаты Церковного влияния отразились даже в символическом смысле ритуала «прирученной» смерти, как классифицировал синтез образов рыцаря и святого на смертном одре Филипп Арьес [2, с. 38]. Так, смерть Роланда представляется «идеальной» и для крестоносной эпохи, ведь она неспешна и торжественна: герой со светлой грустью прощается с «милой Францией» и боевыми товарищами, однако он спокоен, ибо до последнего верно служил Богу как высшему сеньору. Христианизация глубоко затронула и систему полусознательных жестов сословия, что удивительно верно подметил продолжатель школы «Анналов» Жан-Клод Шмит [30, с. 404]. Проанализировав сцены из «Персеваля» Кретьена де Труа, можно увидеть: юноша в лесу встречает храбрых всадников в молитвенной позе, будто бы ангелов, он становится на колени для церемонии посвящения в рыцари, проникнутой участием клириков и литургическими чертами вплоть до «поцелуя мира», а варварские «поединки справедливого воздаяния» трансформируются в ордалии – «суд Божий».

В целом характер компромисса образно выразил выдающийся историк рыцарства Жорж Дюби: «Между двумя крыльями политического здания идет обмен услугами, дополняющими друг друга – одни молятся за других, а эти другие их защищают» [8, с. 27-28]. Главной задачей церковной доктрины с тех пор стало оправдание подобного общественного альянса путем формирования позитивной концепции войны [37, с. 21]. Ее теоретическая основа состоит в том, что вся история человечества является великой духовной войной добра против зла, и рыцарь, взявшийся за оружие, освященное Церковью и имеющее поэтому сакральное значение, становится «воином Христовым», славную долю которого трубадуры воспевали в лучших лирических произведениях, взывая тем самым к благочестивым намерениям рыцарства:

«Я покидаю дам. Но, меч держа,
Горжусь, что послужу святому храму,
Что вера в бога сил в душе свежа,
Молитвенно летя вслед фимиаму,
Дороже вера золота: ни ржа,

Ни огонь ее не ест, кто дорожа
Лишь ею, в бой идет, не примет сраму
И встретит смерть, ликуя, не дрожа» [25, с. 278].

Среди паствы культивировалась идея о «священном воинствовании» как жизненной позиции любого верующего, и если монахи отстаивали Царство Христово с помощью молитв и ораторского сподвижничества в духе аббата Бернарда из Клерво, «препоясанного мечом слова Божьего», то рыцари восстанавливали погрязший мир и справедливость с оружием в руках [39, с. 656; 17, с. 1131]. Более того, теперь участники Крестовых походов в Святую землю и христианской Реконкисты в Испании в соответствии с учением Церкви о принятии мученической смерти за веру неизменно получали «полное отпущение и освобождение от грехов, всякому, кто благочестиво предпринимает и совершает святое странствие или во время его умрет», как провозглашает епископ Фрейзингенский в 1146 г. [39, с. 657; 17, с. 1132]. И в «Песне о Сиде» епископ дон Жероме тоже отпускает грехи кондотьерам, воюющим с арабами-мусульманами: «Кто погибнет в сраженье, глядя в очи врагам, грехи с него снимаю, и к Богу пойдет душа» [22, с. 61].

Максимальное сближение рыцарского миропонимания с церковной догматикой привело к образованию в XII-XIII вв. около двадцати духовно-рыцарских орденов, самыми почитаемыми из которых были «religio ordo» госпитальеров, тевтонцев, тамплиеров, и настолько велик был их авторитет, что один французский граф, умирая, попросил укрыть себя тамплиерским белым плащом с красным крестом [38, с. 145]. Основной миссией духовных рыцарей, тем не менее, оставалась военная служба во благо Господа: будь то отвоевание Эдессы или просвещение прибалтийских язычников, то есть преимущественно следование по пути расчетливых устремлений Церкви [20, с. 187]. На таких крестоносцев клирики оказывали благотворное воздействие путем ограничения повседневной роскоши и разгульных пиршеств. Рыцарей превращали из знатных баронов в аскетических членов Христового братства смирением любого зова плоти. Так, Урбан II на Клермонском соборе 1096 г. настаивает на том, что «воины Господни не должны заниматься ни богатством одеяний, ни внешними украшениями, ни псами, ни соколами» [39, с. 656; 17, с. 1131]. То же касается и христианского контроля над феодальным правом войны и разорением крестьянских хозяйств. Все общественные бедствия, принесенными оными, по мнению Эрне Семишона, Церковь осознала полновесно уже в X в. [24, с. 899]. Поэтому периодически устанавливался Божий мир и Божие перемирие, ибо, как пишет в послании от 1041 г. Св. Ивон, «христианское государство должно сохранять вечный мир, удалять всякую злую мысль, воздерживаться от всякого злого поступка» [21, с. 904]. Рыцарство неизменно следует за духовенством и путем сложения многих клятв и обетов на священных мощах [34, с. 97]. Эти обеты состояли в том, чтобы посещать святые места, соблюдать посты и епитимьи [23, с. 101]. В

Артуровских романах Томаса Мэлори рыцари вместе посещают монастырь, просят отпущения грехов у монаха-отшельника, заказывают мессы после смерти своих друзей, дорожат советом священника и настоятеля аббатства [26, с. 113, 597, 676].

Таким образом, роль влияния церковного идеала на круг рыцарских заповедей трудно переоценить: вера обеспечивала воинам благовидное оправдание их человекоубийственной функции, но одновременно заставляла рыцарей в миру подчинять военное искусство системе гуманных религиозно-этических ценностей. В связи с подобным выводом возникает необходимость обращения к истокам и пересмотру современной историографической оценки вопроса, а именно – потребность в комбинированном взгляде на суть взаимовлияния указанных институтов. Безусловно, стоит признать связь церковных и рыцарских социально-политических интересов в военных походах, однако благодатнейшей почвой для сближения стали, прежде всего, идеологические уступки друг другу и неустанное формирование средневековым сознанием моральной картины мира. Поэтому в качестве магистрального тезиса статьи можно вынести утверждение Н. А. Осокина: «В форме различных рыцарских учреждений общество того времени вступило в живое и положительное соприкосновение с Церковью» [16, с. 252].

Литература

1. *Августин Блаженный*. О Граде Божием. – Минск-М., 2000.
2. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М., 1992.
3. *Басовская Н. И.* Идеи войны и мира в западноевропейском средневековом обществе / Н. И. Басовская // СВ. – 1990. – Вып. 53.
4. *Басовская Н. И.* Крестовые походы и проблемы взаимоотношения Востока и Запада / Н. И. Басовская // Общественные науки за рубежом. – Сер. 5. – 1986. – № 1.
5. *Бертран де Борн* Первая сирвента // Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Под ред. М. А. Заборова. – М., 1993.
6. *Видукинд Корвейский* Деяния саксов / Пер. Г. Э. Санчука. – М., 1975.
7. *Добиаиш-Рождественская О. А.* Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении) / О. А. Добиаиш-Рождественская. – М., 2003.
8. *Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны Д'арк / Ж. Дюби. – М., 2000.
9. *Заборов М. А.* Крестом и мечом / М. А. Заборов. – М., 1979.
10. *Заборов М. А.* Папство и крестовые походы / М. А. Заборов. – М., 1966.
11. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М., 1987.
12. *Левандовский А. П.* Об Артуриане, рыцарях Круглого стола и просто рыцарях / А. П. Левандовский // Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. – М., 2001.
13. *Лоран Ф.* Состояние Западной Церкви XI в. / Ф. Лоран // История средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб., 1999.
14. *Марин Санудо* Секретная книга крестоносцев о завоевании и сохранении Святой Земли // История средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб., 1999.

15. *Ордерик Виталий*. Постановление Клермонского собора 1095 г. // История Средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб., 1999.
16. *Осокин Н. А.* История средних веков / Н. А. Осокин. – Т. II. – Казань, 1889.
17. *Оттон Фрейзингенский* Второй Крестовый поход // История средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб., 1999.
18. *Пастуро М.* Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро. – М., 2001.
19. *Поньон Э.* Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Э. Поньон. – М., 1999.
20. *Поньон Э.* Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Э. Поньон. – М., 1999.
21. *Послание о Божьем мире св. Иона* // История средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб., 1999.
22. *Поэма и избранные романы о Сиде* / Пер. А. Н. Чудинова. – СПб., 1897.
23. *Руа Ж. Ж., Мишо Ж. Ф.* История рыцарства / Ж. Ж. Руа, Ж. Ф. Мишо. – М., 2007.
24. *Семишон Э.* О происхождении Божьего мира и его значении / Э. Семишон // История средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб., 1999.
25. *Тибо Шампанский* Песнь о крестовом походе // Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Под ред. М. А. Заборова. – М., 1993.
26. *Томас Мэлор*. Смерть Артура / Сост. И. М. Бернштейн, В. М. Жимуринский, А. Д. Михайлов, Б. И. Пуришев. – М., 1974.
27. *Флор Лионский* Жалоба о разделе империи // История средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. – СПб., 1999.
28. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / Ж. Флори. – М., 2006.
29. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья / Й. Хейзинга. – М., 1988.
30. *Шміт Ж.-К.* Сенс жесту на середньовічному Заході / Ж.-К. Шміт. – Харків, 2002.
31. *Эйнгард* Жизнь Карла Великого // Левандовский А. П. Карл Великий. Через империю к Европе. – М., 1995.
32. *Davies N.* Europe: a history. – Oxford-New York, 1997.
33. *Einhardi.* Vita Karoli Magni // Monumenta Germaniae Historica. – Scriptorum. – V. II, XLIII. – Hannoverae, 1866.
34. *Fiero Gloria K.* Medieval Europe and the world beyond. – London, 1995.
35. *Geoffrey de Charny.* Libre de chevalerie // Кин М. Рыцарство. – М., 2000.
36. *Iordanis.* Iordanis Historia de Getarum, sive Gothorum Origine a Rebus Gestis // L. A. Muratori. Rerum Italicarum scriptores. – V. I, 1. – Mediolani, 1723-1751.
37. *Len Scales.* Born to kill: «warrior races» in Medieval Europe // History Today. – 2005. – № 1.
38. *Molloy M.* Experiencing the World's religions tradition, challenge and chance. – London – Toronto, 2002.
39. *Otonis Fresingensis* Episcopi. Libri de Gestis Friderici I // Monumenta Germaniae Historica. – Scriptorum. – V. VI. – Hannoverae, 1866.
40. *Ramon Lull.* Book of the Ordre of Chyvalry // Кин М. Рыцарство. – М., 2000.
41. *Tacitus.* Germania. – Leipzig, 1971.
42. *Widucindi.* Res Gestae Sacsonica // Monumenta Germaniae Historica – Scriptorum. – V. III. – Hannoverae, 1866.